

Цзи Шэньюй проводил взглядом уходящих. Дин Кэюй язвил на каждом шагу, а Дин Эрхэ, хоть и молчал, смотрел на него так холодно, что мороз пробирал до костей. Цзи Шэньюй чувствовал, что не оправдал имени, данного ему Цзи Фансюем, — из-за его болтливости возникли разногласия, и он не знал, как всё исправить.

Хорошее настроение Цзи Шэньюя улетучилось. Проходя через главную гостиную, он увидел Дин Ханьбая, который упражнялся в каллиграфии за круглым столом. Черная тушь на белой бумаге, строгий и правильный уставный почерк. Услышав шаги, Дин Ханьбай поднял глаза, и в них, на удивление, мелькнула улыбка.

Цзи Шэньюй же улыбнуться не смог, напротив — помрачнел.

Улыбка Дин Ханьбая тут же исчезла:

— Кто тебя опять разозлил? Чего ты рожу кривишь, глядя на меня?

Цзи Шэньюй изначально не собирался входить, но теперь сделал шаг вперед. Он зашагал вразвалочку, подражая тому, как Дин Ханьбай на днях устроил разнос, и с силой хлопнул ладонью по краю стола.

На свежевыведенные иероглифы брызнула тушь. Дин Ханьбай протянул руку, и щека Цзи Шэньюя ощутила холод.

— В школе обидели? Что за бешенство? — Дин Ханьбай провел чернильной кистью по лицу Цзи Шэньюя. — Есть силы — растирай тушь и расправляй бумагу, нет — проваливай, мне некогда с тобой возиться.

Цзи Шэньюй, с черной полосой на лице, ненавидел Дин Ханьбая за тот гневный выпад, но, не желая жаловаться, молча принялся растирать тушь. Когда всё было готово, Дин Ханьбай слегка обмакнул кисть и вывел: Сказал — сделай, сделал — добейся результата.

Это был семейный девиз дома Дин, такие свитки висели в каждой лавке Юй Сяоцзи; как только старый ветшал, его меняли на новый.

Дин Ханьбай отложил свиток и, не говоря ни слова, принялся за следующий. Цзи Шэньюй, засмотревшись, машинально пробормотал:

— Крупный жемчуг, мелкий жемчуг падает на нефритовое блюдо, жемчужина разбилась на две части. — Он протянул руку, чтобы отобрать свиток, и стал бегать вокруг стола, пытаясь задеть Дин Ханьбая. — Это ты про кого сказал, что разбился? Нефрит разбить легче, чем жемчуг!

Воздух наполнился ароматом туши, они оба взмокли от возни, пока вошедшая Цзян Цайвэй не заставила их остановиться. Дин Ханьбай унес принадлежности для письма в свой дворик, а Цзи

Шэньюй, последовав за ним, у арки увидел спящего в плетеном кресле Цзян Тинэня.

Присмотревшись, он заметил под ножкой кресла книгу Как горы и моря. Она была покрыта пылью, страницы наполовину раздавлены. Цзи Шэньюй закипел от негодования, но он уже и так настроил против себя второго и третьего братьев — неужели теперь нажать врага в лице четвертого?

Внутренняя борьба закончилась тем, что он проглотил обиду. Но не успел он прийти в себя, как Дин Ханьбай пронесся мимо и с размаху пнул кресло, опрокинув его вместе с Цзян Тинэнем.

Тот взвизгнул:

— Старший брат! Ты чего?!

Дин Ханьбай поднял книгу и принялся распекать его:

— Я полмесяца ждал возможности прочитать, а ты так с ней обращаешься?! В пустой голове — пустое чтение, проваливай домой уроки делать!

Цзян Тинэнь, поджав хвост, побежал жаловаться Цзян Цайвэй. Во дворе воцарилась тишина. Дин Ханьбай, прижимая книгу к груди, обернулся и уставился на Цзи Шэньюя, не скрывая намека — на лбу у него словно было написано: я за тебя отомстил, теперь пора бы и одолжить почитать, правда?

Цзи Шэньюй подошел и взял книгу:

— Спасибо, старший брат. — Сказав это, он сразу ушел в спальню.

Дин Ханьбай застыл на месте, ошеломленный, сдавленный обидой и недоверием, словно разом испытал все горести мира. Возвращаясь к себе мимо окна Цзи Шэньюя, он недовольно бросил:

— Нрав своенравный, ума не прибавляет.

Цзи Шэньюй тут же ответил:

— Высокомерие и гордыня, пользы от знаний не приносят.

Неужели он не может не огрызаться!

Дин Ханьбай больше не сказал ни слова, ушел в комнату, включил кондиционер и лег спать, но, ворочаясь, только злился и в итоге пошел в душ. Проспав два часа, он проснулся с чувством опустошенности, тоскуя по той старой книге.

Надев белую футболку, сквозь тонкую ткань которой проступали очертания мышц, он на цыпочках подошел к соседнему окну, чтобы проверить, чем занят Цзи Шэньюй. Если тот спит, он зайдет и заберет книгу.

Именно заберет, а не украдет.

Дин Ханьбай учился у великих мастеров, разве можно назвать поступки книжника кражей?

Дверь была открыта, окно прикрыто. Он, как вор в собственном доме, приоткрыл створку и первым делом увидел пустую кровать. Взглянув внимательнее, заметил Цзи Шэньюя, который сидел за столом, переодевшись и умывшись.

Цзи Шэньюй, сосредоточенно склонившись над столом, рассматривал ту самую старую книгу — теперь не просто старую, а рваную. Рядом лежали клей, кисть и пузырек с маслом. Он чинил книгу, а открытое окно помогало быстрее выветрить запах.

Дин Ханьбай узнал это масло — ими они покрывали дерево для защиты. Он понял, что делает Цзи Шэньюй. Стрекот цикад заглушил звук открывающегося окна, и он, из вора превратившись в зрителя, прислонился к раме, ковыряя дерево, не в силах отвести взгляд.

Солнечный свет падал на половину лица Цзи Шэньюя, его зрачки светились чайным цветом, словно в белой фарфоровой чаше был заварен Билочунь. Тонкая шея, опущенный взгляд, сосредоточенность на обрывках страниц. Уши покраснели на солнце, растворяясь в игре света и тени в волосах.

Его руки, лишенные мозолей, двигались невероятно легко: капля клея, мазок масла, подушечки пальцев разглаживают каждую складку. Самым удивительным было отсутствие пауз — все действия сливались в единый процесс, он работал как искусный мастер.

Закончив, Цзи Шэньюй надул щеки и подул на шов.

Глядя на это, Дин Ханьбай, сам не зная зачем, открыл рот и с силой нажал на раму, отломив кусочек дерева. Цзи Шэньюй обернулся на звук и замер, встретившись с ним взглядом. Дин Ханьбай, опираясь на окно, без тени смущения заявил:

— Дай клей, я приклею отломанный кусок.

Окно починили, отношения наладились. Хотя они молчали, злости уже не было.

Цзи Шэньюй вынес подсохшую книгу:

— Старший брат, держи, читай.

Дин Ханьбай чуть не забыл, что пришел украсть её, и осторожно принял:

— Как раз к моей стопке обломков подойдет.

Цзи Шэньюя разбирало любопытство:

— Я тоже хочу посмотреть.

Они сели в коридоре, разделив одну книгу на двоих, а между ними лежала та самая гора черепков. Дин Ханьбай четко и ясно объяснял, как отличить фарфор от керамики, а Цзи Шэньюй слушал, не мигая, схватывая всё на лету и запоминая с первого раза.

Дин Ханьбай вдруг спросил:

— Умеешь чинить книги?

Цзи Шэньюй усмехнулся:

— Так, кое-как подклеил. — Дин Ханьбай не стал допытываться, и он, выдохнув, продолжил чтение. К закату они незаметно закончили первый том. Дин Ханьбай закрыл книгу и, чтобы поддержать разговор, спросил:

— Хорошо погулял с одноклассниками?

Цзи Шэньюй был доволен, но с грустью добавил:

— Я хотел в музей, но остальным неинтересно.

— Ты хочешь в музей?

— Да, но я не знаю дороги.

Дин Ханьбай с детства больше всего любил антикварные рынки и музеи: на первых смотрел, чем живет народ, во вторых — что нового появилось у государства. Он не понимал, зачем это Цзи Шэньюю, но раз уж приезжие вечно околачиваются в музеях, то ничего удивительного.

— Завтра я тебя отведу, — сказал он.

Цзи Шэньюй поблагодарил его, и Дин Ханьбай впервые увидел такую сияющую улыбку. Если быть точным, впервые увидел, как эта улыбка адресована ему.

Дин Ханьбай любил нефрит и редкие породы дерева, любил антиквариат, любил сорить деньгами, и меньше всего его волновало настроение окружающих — да плевать ему было, кто там счастлив, а кто нет. Но сейчас, когда Цзи Шэньюй улыбался и благодарил его, на душе у

него в глубоких сумерках вдруг стало светло. Наверное, потому, что улыбка Цзи Шэньюя была уж очень красивой, иначе это было бы просто странно.

Успокоившись, Цзи Шэньюй в ту ночь уснул быстро и крепко, как никогда прежде. Проснувшись ближе к полудню, он первым делом проверил, встал ли сосед — дверь была закрыта, Дин Ханьбай еще спал.

Он радостно умылся, собрал бумагу и кисти, пошел в передний двор завтракать, приготовил порцию и для брата, переделал кучу дел, но дверь соседа всё еще была закрыта. Он постучал:

— Старший брат, ты проснулся?

Внутри — ни звука. Он толкнул дверь и обнаружил, что комната пуста.

Цзи Шэньюй обыскал всё: этот дворик, передний двор, даже сходил в восточный, где жили второй дядя и остальные — Дин Ханьбая нигде не было. В переднем дворе он столкнулся с Цзян Шулю и поспешно спросил:

— Тетушка, вы не видели старшего брата?

Цзян Шулю ответила:

— Он с раннего утра, получив звонок, уехал в управление, кажется, что-то случилось. — Она стерла пот с лица Цзи Шэньюя. — Я хотела тебе сказать, да забыла.

Ожидания Цзи Шэньюя рухнули в грязь, но он не терял надежды:

— Когда он вернется?

— Кто ж знает, в выходной вызвали, значит, дело срочное.

Возможно, разочарование на лице Цзи Шэньюя было таким явным, что Цзян Шулю не выдержала. Расспросив, в чем дело, она позвала Цзян Цайвэй и велела ей отвести его в музей.

Цзи Шэньюй хотел дождаться Дин Ханьбая, но Цзян Цайвэй быстро переоделась, и ему пришлось идти с ней.

В выходные в музее не протолкнуться, у входа очередь. Цзян Цайвэй крепко держала Цзи Шэньюя за руку, боясь потерять. Внутри, в огромном пространстве, стало свободнее.

Цзи Шэньюй увидел фарфоровое блюдо и с воодушевлением сказал:

— Тетушка, я знаю это! — Рядом никто не ответил. Он обернулся, чтобы найти Цзян Цайвэй, но в толпе людей, проходящих мимо, вдруг увидел Дин Ханьбая.

Разве он не уехал в управление? Почему он здесь?

И если он здесь, почему не взял его с собой?

Цзи Шэньюй перевел взгляд и увидел рядом с Дин Ханьбаем девушку. Они обсуждали что-то по каталогу, обмениваясь репликами: то, что говорил Дин Ханьбай, девушка знала, а то, что говорила она, было известно ему.

Цзи Шэньюй всё понял: Дин Ханьбай вовсе не хотел брать его в музей, он просто сам хотел туда пойти, а Цзи Шэньюй был лишь попутным грузом. Но раз уж обещал, почему не сдержал слово?

В прошлый раз он забыл заехать, а в этот — просто нарушил обещание.

Цзи Шэньюй замолчал. У него не было ни права, ни причин требовать к себе особого внимания. Он отвел взгляд. Белое фарфоровое блюдо осталось прежним, но доверять Дин Ханьбаю он больше не хотел.

— Качество этой партии среднее, не выставляйте на видное место, а то соотечественники из других провинций подумают, что у нас нет ничего стоящего, — Дин Ханьбай указал на северную стену зала. — Пояснительные таблички еще не готовы? Я ведь дал вам отчет об оценке еще несколько дней назад.

Не дожидаясь ответа, он скользнул взглядом по залу и, заметив изящный силуэт, тут же подошел и хлопнул по плечу:

— Это что за красавица?

Цзян Цайвэй вздрогнула, обернулась и изумленно уставилась на него:

— Ты почему здесь?!

— Работаю, — ответил Дин Ханьбай. — Меня с самого утра вызвали в управление. — Он отступил в сторону, открывая девушку рядом с собой. — Ладно, я пойду к вашему директору, а вы поболтайте.

Девушку звали Шан Миньжу. Они с Дин Ханьбаем были знакомы с детства, а с Цзян Цайвэй были ровесницами и одноклассницами, она работала в музее. Две девушки радостно защебетали, а Дин Ханьбай, уже собираясь уходить, вдруг задумался: зачем Цзян Цайвэй пришла в музей?

Цзян Цайвэй хлопнула его по плечу:

— Я привела Шэньюя, он где-то там, поищи.

Дин Ханьбай рассеянно оглядел толпу. Освещение в музее всегда было мягким, отчего все казались добродушными, но люди постоянно двигались, и лишь одна фигура застыла на месте, не сдвинувшись ни на шаг.

Дин Ханьбай сунул ручку в карман и широким шагом направился к нему, встав за спиной и заговорив тоном экскурсовода:

— Блюдо с отогнутым краем, роспись золотом по зеленому фону, изящная ножка, первоклассный черепок.

Стекло витрины отражало свет, и в нем проступали очертания людей. Дин Ханьбай смотрел не на блюдо, а на отражение Цзи Шэньюя. Когда тот обернулся, он опустил глаза:

— Ты так долго смотришь на одно блюдо, сколько же времени собираешься тут бродить?

Цзи Шэньюй не ожидал, что Дин Ханьбай его заметит, и уж тем более не ожидал, что тот так непринужденно подойдет поздороваться. Он действительно простоял на месте слишком долго, поэтому двинулся дальше, но Дин Ханьбай пошел следом. Цзи Шэньюй сказал:

— Тетушка привела меня, я сам посмотрю.

Дин Ханьбай продолжал следовать за ним, словно не слыша:

— Видишь тот ромбовидный фарфоровый пенал? Похож на тот, что у меня в кабинете?

Цзи Шэньюй промолчал и свернул во внутренний зал. Дин Ханьбай вошел следом, взглянул на часы — некрасиво вышло с обещанием, но раз уж тот пришел, нужно побыть с ним сколько получится.

Кто бы мог подумать, что Цзи Шэньюю это совсем не нужно, и он, не выдержав, спросил:

— Почему ты всё время ходишь за мной?

Дин Ханьбай удивился:

— Я же гуляю с тобой. Ты разве не заметил, что тетушка куда-то пропала?

Цзи Шэньюй огляделся — Цзян Цайвэй действительно исчезла. Он сделал вид, что пошел её искать, но Дин Ханьбай перехватил его и положил руку на плечо. Оказавшись рядом, он почувствовал от него запах лекарств и, заметив в руках Дин Ханьбая какие-то бумаги, спросил:

— Ты договорился с кем-то встретиться и всё равно пришел с этим?

Дин Ханьбай не понял:

— С кем-то? Разве я не с тобой договорился?

Их диалог состоял из одних вопросов. Цзи Шэньюй сбросил руку с плеча и остановился перед огромной вазой:

— Ты обещал, а потом нарушил слово. Я видел, как ты гулял с другой.

Дин Ханьбай почувствовал себя несправедливо обвиненным и прошипел:

— Что за чушь! Мама тебе не сказала? Меня с утра вызвали в управление, я только в кабинете узнал, что нужно ехать сюда, проверить новые поступления.

Голос его был негромким, но Цзи Шэньюй замер. Дин Ханьбай, воспользовавшись его замешательством, добавил:

— Ты про ту девушку? Это сотрудница, мы давно знакомы.

— Ты не собирался нарушать обещание? Ты же вчера согласился?

Дин Ханьбай похлопал его по голове свернутым каталогом:

— Ты себя кем возомнил, начальником? Еще и «согласился». — Он до самого конца так и не понял ход мыслей Цзи Шэньюя. — Конечно, я хотел тебя взять. В выходной, кто, черт возьми, хочет работать? Я и в будни-то не хочу.

Оказалось, что это было сплошное недоразумение. После того как всё прояснилось, они могли бы спокойно погулять, но Дин Ханьбаю поджимало время. Он сунул каталог Цзи Шэньюю:

— Посмотри план, скоро в зале Хань-Тан выставляют новые экспонаты, я буду там.

Цзи Шэньюй, сжимая каталог, после ухода Дин Ханьбаю стал внимательно осматривать залы. С бумагой и ручкой он задерживался у каждого стенда, и время летело незаметно.

Вернувшись в холл, он собрался войти в следующий зал, как вдруг в толпе началось движение — все устремились на восток. Он развернул план: зал Хань-Тан был как раз там. Неужели выставили новинки? Но разве это делают не в закрытые часы?

Цзи Шэньюй последовал за толпой и, протиснувшись в зал, встал за ограничительную ленту. Внутри, в форме, были сотрудники музея, а без формы — люди из управления культурного наследия. Он сразу увидел Дин Ханьбаю. Тот был выше всех, и в отличие от остальных, одетых в удобную для работы одежду, был в отутюженной рубашке, с руками в карманах, словно начальник.

На огромном постаменте лежали две новые каменные плиты с рельефами дракона и тигра. Дракон был поврежден слабо, а вот тигр — почти до неузнаваемости. Рядом лежала каменная плита такой же длины. Зрители недоумевали, и нетерпеливые стали уходить. Цзи Шэньюй постепенно пробился в первый ряд — стоило махнуть рукой, и Дин Ханьбай его увидит.

Конечно, он не стал махать, а молча наблюдал, как они реставрируют экспонаты. Дракона можно было восстановить стандартными методами, но для тигра требовался бог. Сотрудники, тоже ломающие голову, сняли маски:

— Только по документации, других вариантов нет.

Дин Ханьбай возразил:

— Плиты уже приготовили, чего притворяться?

Зрителей стало больше, остальных оттеснили, в зоне работ освободили место. Дин Ханьбай открыл ящик с инструментами, выбрал несколько кистей, налил туши и отметил на плите размеры.

— Что он делает? — зашептались люди. — Почему самый молодой взялся за работу?

Цзи Шэньюй тоже хотел спросить.

Дин Ханьбай был полностью поглощен делом. Стоило ему взяться за кисть и нож, как в его глазах не осталось ничего, кроме этого камня. От первого штриха до завершения контура — оскаленный тигр с крыльями, поджатыми ногами и поднятыми когтями — всё прояснилось.

Слушая нарастающие возгласы восхищения, Дин Ханьбай хмурился всё сильнее, чувствуя себя уличным артистом, которому сейчас начнут хлопать и кидать монетки.

Бросив взгляд в сторону, он заметил в первом ряду Цзи Шэньюя. Тот сжимал измятый каталог, слегка приоткрыв рот, а в его обычно умных глазах светилось нечто наивное. Его губы беззвучно прошептали: «Старший брат».

Дин Ханьбай, которому как раз не хватало помощника, втянул его в круг, совершенно естественно начав отдавать команды. Подавать кисти, растирать тушь, придерживать углы — Цзи Шэньюй был рядом и всё видел, восхищаясь плавными линиями, но его взгляд не поспевал за скоростью Дин Ханьбая.

Дин Ханьбай двигал кистью, не дрогнув ни на миллиметр. Плита была почти полтора метра длиной и полметра шириной, и он, не считая пауз на обмакивание кисти, прорисовал почти четыре метра за один присест.

Цзи Шэньюй вспомнил слова Дин Яньшоу о том, что по всем вопросам можно обращаться к этому старшему брату.

Тогда он не поверил, но теперь его сомнения рухнули.

— Жемчужина, — вдруг позвал его Дин Ханьбай, обращаясь так при всех, — протри кончик ножа, готовимся к третьему номеру.

Цзи Шэньюй тут же выполнил команду. Когда Дин Ханьбай закончил, кто-то начал хлопать. Дилетанты думали, что на этом всё, не подозревая, что самое главное только начинается.

Дин Ханьбай взял резец:

— Я буду занят весь день, как досмотришь, иди с тетушкой домой, не потеряйся.

Цзи Шэньюй не двинулся с места:

— Я еще не видел, как ты режешь по камню. Хочу посмотреть.

Дин Ханьбай промолчал и, дождавшись, пока тушь высохнет, принялся за работу, позволяя тому смотреть. Он знал, что они с Цзи Шэньюем разные: он выставял напоказ свою дерзость, а Цзи Шэньюй скрывал свою гордость. Пусть смотрит, рано или поздно им придется столкнуться.

К полудню толпа была в экстазе. Все были поражены — они думали, что рисунка достаточно, но он начал резать. Пожилой местный житель не выдержал и громко сказал:

— Начальник, должен тебя похвалить!

Дин Ханьбай впервые услышал, как его называют начальником, и пожалел, что Чжан Иня нет рядом, иначе он бы сгорел от стыда. Не прерывая работы, он усмехнулся:

— Лучше похвали по делу, а то я не люблю пустых слов.

Старик поднял большой палец:

— Скажу прямо: даже мастера из Юй Сяоцзи перед тобой не устоят!

Дин Ханьбай подыграл:

— Там много мастеров, кого именно ты имеешь в виду?

Старик пошутил:

— Самого крутого — Дин Яньшоу. Пожалуй, ты можешь с ним потягаться.

Местные засмеялись, приезжие, не понимая сути, тоже подхватили. Дин Ханьбай никогда не был скромным:

— С Дин Яньшоу я тягаться не могу — он мой отец!

Сказав это, он замолчал, работая ножом, словно разделявая быка. В обед народу стало меньше, и сотрудники воспользовались моментом, чтобы очистить зал. Стало тихо и прохладно, остались только безжизненные экспонаты и двое, затаивших дыхание.

Шли минуты, вокруг стояла тишина, как в пустых горах. У Дин Ханьбая вспотели ладони, кончики пальцев онемели от холода. Он поднял голову, взглянул на Цзи Шэньюя и размял затекшие конечности:

— Заворожило? Если скучно, не обязательно сидеть.

Цзи Шэньюй ответил:

— Интересно, я засмотрелся.

Настал черед Дин Ханьбая удивляться:

— Мастер Цзи не учил тебя работать с крупными каменными изваяниями?

Цзи Шэньюй ответил:

— Обещал научить в следующем году, но заболел. Сказал, как выздоровеет — научит, но так и не выздоровел.

<http://bllate.org/book/19144/1880216>